

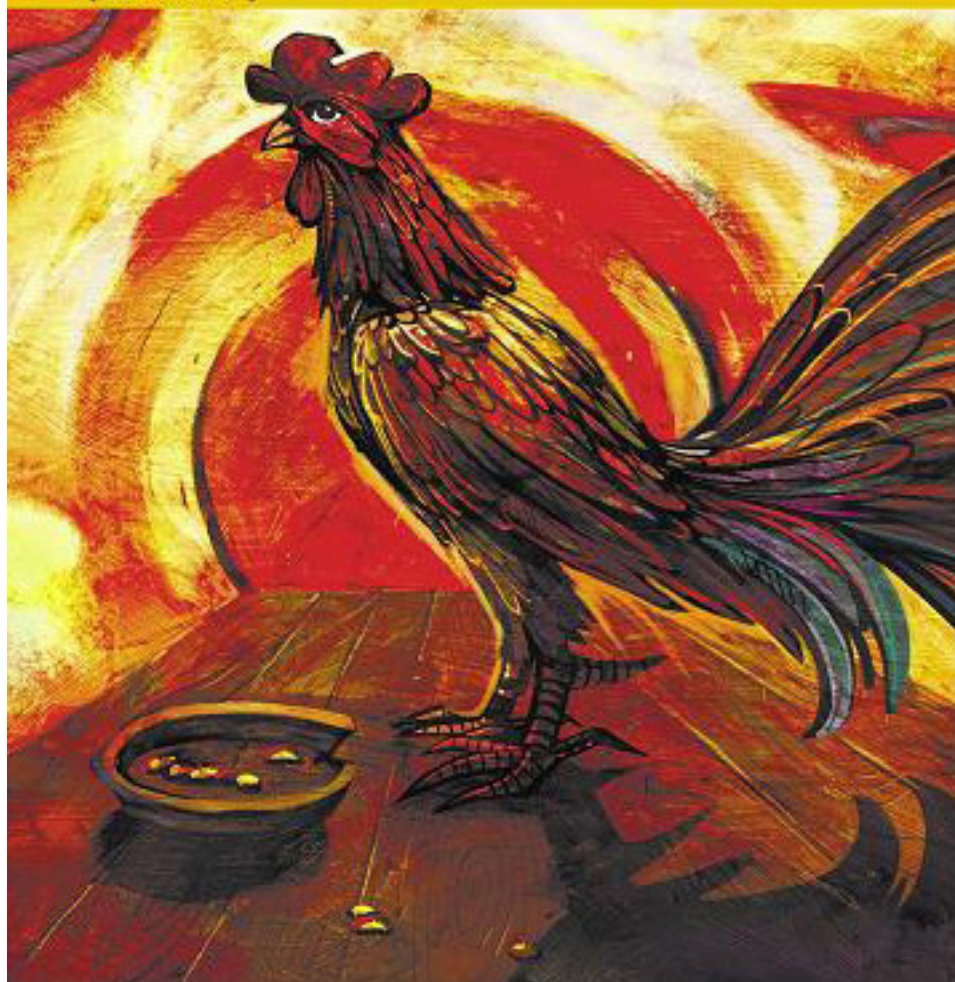
Габриэль
Гарсиа Маркес

Нобелевская
премия

Полковнику
никто не пишет

[повесть]

Габриэль Гарсиа Маркес

Полковнику никто не пишет

«АСТ»

1961

Маркес Г.

Полковнику никто не пишет / Г. Маркес — «АСТ», 1961

ISBN 978-5-271-34689-7

Прежде чем опубликовать эту повесть Габриэль Гарсиа Маркес переписывал ее десяток раз и добился своего: по своей емкости и силе она не имеет себе равных во всей латиноамериканской прозе. Внешне ее сюжетная канва незатейлива – всего лишь сменилась в латиноамериканской стране в очередной раз власть, очередные столичные коррупционеры в который раз наживают состояния – а герой давно пролетевшей гражданской войны, престарелый полковник в отставке, влачит в маленьком провинциальном городке полунищенское существование... Но его история, история маленького человека, в одиночку отстаивающего свое достоинство, становится историей преодоления одиночества, произвола и абсурда, царящих в мире.

ISBN 978-5-271-34689-7

© Маркес Г., 1961

© АСТ, 1961

Габриэль Гарсиа Маркес

Полковнику никто не пишет

Полковник открыл жестяную банку и обнаружил, что кофе осталось не больше чайной ложечки. Он снял с огня котелок, выплеснул половину воды на земляной пол и принялся скоблить банку, вытряхивая в котелок последние крупинки кофе, смешанные с хлопьями ржавчины.

Пока кофе варился, полковник с видом доверчивого ожидания сидел около печки и прислушивался к себе. Ему казалось, что его внутренности прорастают ядовитыми грибами и водорослями. Стояло октябрьское утро. Одно из тех, что трудно пережить даже такому человеку, как полковник, а ведь сколько он их пережил! Вот уже пятьдесят шесть лет – столько прошло после гражданской войны – полковник только и делал, что ждал. И октябрь был в числе того немногого, чего он дождался.

Жена полковника, увидев, что он входит в спальню с кофе, подняла москитную сетку. Этой ночью ее мучил приступ астмы, и теперь она была в сонном оцепенении. И все же приподнялась, чтобы взять чашку.

– А ты?

– Я уже пил, – солгал полковник. – Там оставалась еще целая столовая ложка.

В этот момент раздались удары колокола. Полковник вспомнил о похоронах. Пока его жена пила кофе, он отцепил гамак, в котором спал, скатал его и спрятал за дверь.

– Он родился в двадцать втором году, – сказала женщина, думая о покойнике. – Ровно через месяц после нашего сына. Шестого апреля.

Она дышала тяжело, прерывисто, отпивая кофе маленькими глотками в паузах между глубокими вздохами. Ее тело с тонкими, хрупкими костями давно утратило гибкость. Затрудненное дыхание не позволяло ей повышать голос, и потому все вопросы звучали как утверждение. Допив кофе, она все еще думала о покойнике.

– Ужасно, когда тебя хоронят в октябре, правда? – сказала она.

Но муж не обратил внимания на ее слова. Он открыл окно. Во дворе уже хозяйничал октябрь. Разглядывая сочную густую зелень, следы дождевых червей на мокрой земле, полковник вновь всеми внутренностями ощутил его мокрую пагубность.

– У меня даже кости отсырели, – сказал он.

– Зима, – ответила жена. – С тех пор, как начались дожди, я твержу тебе, чтобы ты спал в носках.

– Я и сплю в носках уже целую неделю.

Шел мелкий, докучливый дождь. Полковник был бы не прочь завернуться в шерстяное одеяло и снова улечься в гамак. Но надтреснутая бронза колоколов настойчиво напоминала о похоронах.

– Да, октябрь, – прошептал он, отходя от окна. И только тут вспомнил о петухе, привязанном к ножке кровати. Это был бойцовый петух.

Полковник отнес чашку на кухню и завел в зале настенные часы в футляре из резного дерева. В отличие от спальни, слишком тесной для астматика, зал был широким, с четырьмя плетеными качалками вокруг покрытого скатертью стола, на котором красовался гипсовый кот. На стене, напротив часов, висела картина – женщина в белом тюле сидела в лодке, окруженная амурами и розами.

Когда он кончил заводить часы, было двадцать минут седьмого. Он отнес петуха на кухню, привязал его у очага, сменил в миске воду, насыпал пригоршню маиса. Через дыру в изгороди пролезли несколько ребятишек – они сели вокруг петуха и принялись молча его рассматривать.

– Хватит смотреть, – сказал полковник. – Петухи портятся, если их долго разглядывать. Дети не пошевелились. Один из них заиграл на губной гармонике модную песенку.

– Сегодня играть нельзя, – сказал полковник. – В городе покойник.

Мальчик спрятал гармонику в карман, а полковник пошел в комнату переодеться к похоронам.

Из-за приступа астмы жена не выгладила ему белый костюм, и полковнику не оставалось ничего другого, как надеть черный суконный, который после женитьбы он носил лишь в исключительных случаях. Он с трудом отыскал костюм на дне сундука, где тот лежал, завернутый в газеты и пересыпанный нафталином. Жена, вытянувшись на кровати, продолжала думать о покойнике.

– Сейчас он наверняка уже встретился с Агустином, – сказала она. – Только бы не рассказывал Агустину, как нам пришлось после его смерти.

– Должно быть, спорят там о петухах, – предположил полковник.

Он нашел в сундуке огромный старый зонт. Жена выиграла его в лотерею, проводившуюся в пользу партии, к которой принадлежал полковник. В тот вечер они были на спектакле; спектакль шел под открытым небом, и его не прервали даже из-за дождя. Полковник, его жена и Агустин – ему тогда было восемь лет – укрылись под зонтом и досидели до самого конца. Теперь Агустина нет в живых, а белую атласную подкладку зонта съела моль.

– Посмотри, что осталось от нашего клоунского зонта, – произнес полковник свою излюбленную фразу и раскрыл над головой сложную конструкцию из металлических спиц. – Теперь он годится только для того, чтобы считать звезды.

Он улыбнулся. Но женщина даже не взглянула на зонт.

– И так – все, – прошептала она. – Мы гнием заживо. – Она закрыла глаза, чтобы ничто не мешало ей думать о покойнике.

Кое-как побрившись – зеркала уже давно не было, – полковник молча оделся. Брюки, тесно, как кальсоны, облегавшие ноги, застегивались у щиколоток и стягивались на талии двумя хлястиками, которые продевались через позолоченные пряжки. Ремня полковник не носил. Рубашка цвета старого картона и твердая, как картон, застегивалась медной пуговицей, на которой держался и воротничок. Но воротничок был порван, поэтому полковник решил не надевать галстука.

Полковник одевался так, будто выполнял какой-то торжественный ритуал. Его костлявые руки туго обтягивала прозрачная кожа, усеянная красными пятнами – такие же пятна были на шее. Прежде чем надеть лакированные ботинки, он соскреб с них грязь, прилипшую к рантам. Взглянув на него, жена увидела, что полковник одет, как в день свадьбы. И тут она заметила, как сильно постарел ее муж.

– Как ты нарядился, – сказала она. – Словно произошло что-то необычное.

– Конечно, необычное, – сказал полковник. – За столько лет первый человек умер своей смертью.

К девяти часам дождь перестал. Полковник уже собрался выходить, но жена придержала его за рукав.

– Причешись.

Он попробовал пригладить роговым гребнем свою щетину стального цвета. Но из этого ничего не получилось.

– Должно быть, я похож на попугая, – сказал он.

Женщина внимательно осмотрела мужа. Подумала: нет, он не похож на попугая. Это был крепко свинченый, сухой человек. Но он не походил и на тех стариков, которые кажутся заспиртованными, – его глаза были полны жизни.

– Все в порядке, – произнесла она. И, когда муж выходил из комнаты, добавила: – Спроси у доктора, его что, кипятком ошпарили в нашем доме?

Они жили на краю маленького городка в домике, крытом пальмовыми листьями и с облупленными стенами. Было по-прежнему сыро, хотя дождь уже не шел. Полковник спустился к площади по переулку, где дома лепились один к другому. На центральной улице он вдруг почувствовал озноб. Весь городок, насколько хватал взгляд, был устлан цветами, словно ковром. Женщины в черном, сидя у дверей, поджидали процессию.

Когда полковник пересекал площадь, снова заморосил дождь. Хозяин бильярдной выглянул в открытые двери своего заведения и крикнул, взмахнув руками:

– Полковник, подождите, я одолжу вам зонт.

Полковник ответил, не повернув головы:

– Спасибо, мне хорошо и так.

Покойника еще не выносили. Мужчины в белых костюмах и черных галстуках стояли под зонтами у входа. Один из них заметил полковника, перепрыгивающего через лужи на площади.

– Идите сюда, кум, – крикнул он, предлагая полковнику место под зонтом.

– Спасибо, кум, – ответил полковник.

Но приглашением не воспользовался. Он сразу вошел в дом, чтобы выразить соболезнование матери покойного. И тотчас почувствовал запах множества цветов. Ему стало душно. Он начал протискиваться сквозь толпу, забившую спальню. Кто-то уперся рукой ему в спину и протолкнул в глубину комнаты мимо вереницы растерянных лиц, туда, где чернели глубокие и широко вырезанные ноздри покойника.

Мать сидела у гроба, отгоняя мух веером из пальмовых листьев. Другие женщины, одетые в черное, смотрели на труп с таким выражением, с каким смотрят на течение реки. Вдруг в толпе послышался голос. Полковник отстранил какую-то женщину, наклонился к матери покойного, положил руку ей на плечо. Стиснул зубы.

– Мое глубокое соболезнование.

Мать не подняла головы. Она открыла рот и завывала. Полковник вздрогнул. Он почувствовал, что бесформенная масса, разразившаяся жалобными воплями, толкает его на труп. Он попытался ухватиться за стену, но руки, не находя ее, наткнулись на тела других людей. Кто-то сказал ему на ухо мягким, тихим голосом:

– Осторожнее, полковник.

Он обернулся. Увидел покойника. Но не узнал его: при жизни крепкий и подвижный, а сейчас завернутый в белое, с лорнетом в руках, он казался таким же растерянным, как полковник. Когда полковник поднял голову, чтобы схватить ртом немного воздуха, поверх голосащих людей он увидел – закрытый гроб плывет, раскачиваясь, к двери по волнам цветов, раздавливая их о стены. Полковник вспотел. У него заломило суставы. Минуту спустя по векам стал нахлестывать дождь – и полковник понял, что стоит на улице. Кто-то схватил его за рукав и сказал:

– Скорее, кум, я жду вас.

Это был дон Сабас, крестный отец его умершего сына, единственный из руководителей партии, который избежал политических преследований и продолжал жить в городе.

– Спасибо, кум, – сказал полковник и молча зашагал под зонтом. Оркестр заиграл похоронный марш. Полковник заметил, что не хватает кларнета, и только тут до него по-настоящему дошло, что покойный действительно умер. – Бедняга, – прошептал он.

Дон Сабас откашлялся. Он держал зонт левой рукой, подняв ее почти вровень с лицом, потому что был гораздо ниже полковника. Когда процессия миновала площадь, мужчины начали разговаривать. Дон Сабас с опечаленным видом повернулся к полковнику.

– Как петух, кум?

– Живет себе.

Тут послышался крик:

– Куда вас несет с покойником?

Полковник поднял глаза: на балконе казармы стоял алькальд в позе оратора. Алькальд был в трусах и фланелевой рубаше, небритый, с опухшим лицом. Музыканты прервали похоронный марш. И почти сейчас же до полковника донесся голос отца Анхеля, что-то кричащего в ответ алькальду. Полковник напрягал слух: разговор заглушался шуршанием дождя по зонтикам.

– Что там? – спросил дон Сабас.

– Ничего, – ответил полковник. – Говорит, нельзя проносить покойников мимо полицейской казармы.

– Я совсем забыл! – воскликнул дон Сабас. – Все время забываю, что у нас осадное положение.

– Но ведь мы не поднимаем восстания, – возразил полковник. – Мы просто хороним бедного музыканта.

Процессия двинулась в другом направлении. Когда проходили бедную окраину, женщины, глядя на них, молча кусали ногти. А потом высыпали на середину улицы, и вслед похоронному шествию понесли слова похвалы, благодарности и прощания, будто женщины верили, что покойник в своем гробу слышит их. На кладбище полковнику стало плохо. Когда дон Сабас, оттолкнув его к стене, чтобы пропустить вперед людей с гробом, с улыбкой обернулся, он увидел, что лицо полковника окаменело.

– Что с вами, кум?

Полковник вздохнул.

– Октябрь, кум.

Возвращались той же дорогой. Дождь перестал. Небо сделалось глубоким, густо-синим. «Вот и кончился дождь», – подумал полковник. Он почувствовал себя лучше, но все еще прислушивался к своим ощущениям. Дон Сабас вернул его к действительности.

– Вам надо сходить к врачу, кум.

– Я не болен, – сказал полковник. – Просто в октябре я чувствую себя так, будто в мои внутренности вгрызлись дикие звери.

– А, – сказал дон Сабас. И простился с полковником у дверей своего дома – нового, двухэтажного, с окнами, забранными железной решеткой. Полковник направился к себе, желая как можно скорее стянуть черный выходной костюм. Через минуту он снова вышел, чтобы в лавочке на углу купить банку кофе и полфунта маиса для петуха.

Полковник занялся петухом, хотя в этот четверг предпочел бы полежать в гамаке. Дождь не переставал уже несколько дней. За прошедшую неделю водоросли у него в животе пышно разрослись. Ночи он проводил без сна – не давали заснуть хрипы жены. Но в пятницу днем октябрь сделал передышку. Приятели Агустина – портные из мастерской, где он работал, фанатики петушиных боев, – воспользовались случаем и пришли посмотреть петуха. Петух был в форме. После их ухода полковник вернулся к жене.

– Что они говорят? – спросила она.

– Они в восторге. Уже откладывают деньги, чтобы поставить на петуха.

– Не знаю, что они нашли в этом ужасном петухе, – сказала женщина. – Настоящий урод: голова слишком маленькая для таких ног.

– Они говорят, что это лучший петух в департаменте, – возразил полковник. – Стоит около пятидесяти песо.

Он был уверен, что этот довод оправдывает его решение сохранить петуха, оставшегося после сына, которого девять месяцев назад во время петушиного боя изрешетили пулями за распространение листовок.

– А что толку, – сказала женщина. – Когда кончится маис, нам придется кормить его собственной печенью.

Полковник, который в это время разыскивал в шкафу свои полотняные брюки, задумался.

– Осталось потерпеть несколько месяцев, – сказал он. – Уже точно известно, что бои будут в январе. Потом мы сможем продать его еще дороже.

Брюки были мятые. Женщина разложила их на плите и стала гладить двумя духовыми утюгами.

– Зачем тебе понадобилось выходить на улицу? – спросила она.

– Почта...

– Я совсем забыла, что сегодня пятница, – проговорила она, возвращаясь в комнату. Полковнику оставалось надеть только брюки. Она кинула взгляд на его ботинки. – Их уже пора выбросить. Ходи в лакированных.

Полковника охватило отчаяние.

– Но они похожи на сиротские. Каждый раз, как я их надеваю, мне кажется, что я убежал из приюта.

– А мы и есть сироты после смерти Агустина, – сказала женщина.

И опять убедила полковника. Он пошел к порту раньше, чем загудели катаера. В лакированных ботинках, белых брюках и рубашке без воротничка, застегнутой на медную пуговицу. Из магазина сирийца Моисея он наблюдал, как причаливали катаера. Пассажиры, измученные восемью часами неподвижного сидения на одном месте, сходили на берег. Как всегда, это были бродячие торговцы и жители, что уехали из городка на прошлой неделе, а теперь возвращались к привычной жизни.

Почтовый катаер приходил последним. В тревожном ожидании полковник смотрел, как он швартуется. На палубе, привязанный к трубе и прикрытый куском брезента, лежал почтовый мешок. Полковник сразу нашел его взглядом. Пятнадцать лет ожидания обострили интуицию. Петух обострил тревогу.

С той минуты, как почтовый инспектор поднялся на палубу, отвязал и закинул мешок за спину, полковник не упускал его фигуру из виду. Он следовал за ним по улице, параллельной порту, сквозь лабиринт лавок и складов с грудami разноцветных товаров, выставленных напоказ. Каждый раз, когда полковник шел за почтовым инспектором, он испытывал волнение, всегда особое, но неизменно гнетущее, как страх.

Врач ожидал газеты на почте.

– Жена просила узнать, доктор, вас не ошпарили кипятком в нашем доме? – сказал полковник.

Врач был молодой, с черными блестящими кудрями и великолепными до неправдоподобия зубами. Он поинтересовался здоровьем больной. Полковник отвечал подробно, не переставая следить за почтовым инспектором, который раскладывал письма по ячейкам. Его неторопливые движения выводили полковника из себя.

Врач получил письма и пакет с газетами. Отложив в сторону проспекты научных изданий, он взялся за письма. Инспектор между тем раздал почту присутствующим. Полковник впился взглядом в ячейку, куда клали корреспонденцию на его букву; письмо «авиа» с синей полосой по краям конверта увеличило его волнение.

Врач сломал печать на пакете с газетами. Пока он просматривал самые важные сообщения, полковник не спускал глаз с ячейки – ждал, что инспектор остановится перед нею. Но тот не остановился. Врач оторвался от газеты, посмотрел на полковника, потом на инспектора, который уже сидел у телеграфного аппарата, потом снова на полковника. И сказал:

– Пойдемте.

Инспектор не поднял головы.

– Для полковника ничего нет.

Полковник смутился.

– Я ничего и не ждал, – солгал он. Потом посмотрел на врача своим детским взглядом:
– Мне никто не пишет.

Они возвращались в молчании. Врач, погруженный в чтение газет. Полковник, шагающий, как обычно: будто человек, который ищет потерянную монету. Был ясный вечер. Миндальные деревья на площади роняли старые листья. Когда они подошли к кабинету врача, началось смеркаться.

– Какие новости? – спросил полковник.

Врач дал ему несколько газет.

– Неизвестно, – сказал он. – Попробуй что-нибудь вычитать между строк, пропущенных цензурой.

Полковник прочитал самые крупные заголовки. Международные сообщения. Вверху четыре колонки, посвященные национализации Суэцкого канала. Первая страница почти полностью занята извещениями о похоронах.

– На выборы никакой надежды, – сказал полковник.

– Не будьте наивны, полковник, – отозвался врач. – Мы уже достаточно взрослые, чтобы ожидать мессии.

Полковник хотел вернуть газеты. Но врач сказал:

– Возьмите их себе. Вечером прочитаете, а завтра вернете.

В начале восьмого на башне зазвонили колокола киноцензуры. Отец Анхель, получавший по почте аннотированный указатель, пользовался колоколами, чтобы оповещать паству о нравственном уровне фильмов. Жена полковника насчитала двенадцать ударов.

– Вредная для всех, – сказала она. – Уже почти год идут картины, вредные для всех. – И, опустив москитную сетку, прошептала: – Мир погряз в разврате.

Полковник не откликнулся. Он привязал петуха к ножке кровати, запер двери дома, распылил в спальне средство против насекомых. Потом поставил лампу на пол, повесил гамак и лег читать газеты.

Он читал их в той последовательности, как они выходили, от первой страницы до последней, включая объявления. В одиннадцать часов горн возвестил наступление комендантского часа. Через полчаса полковник кончил читать, открыл дверь во двор, в непроницаемую тьму, и помочился, подгоняемый комарами. Когда он вернулся в комнату, жена еще не спала.

– Ничего не пишут о ветеранах? – спросила она.

– Ничего. – Он погасил свет и улегся в гамак. – Раньше хоть печатали списки пенсионеров. А теперь вот уже пять лет не пишут ничего.

Дождь начался после полуночи. Полковник задремал, но тут же проснулся, разбуженный болью в желудке. Услышал, что где-то в доме капает. Завернувшись с головой в шерстяное одеяло, он пытался определить, где именно. Струйка ледяного пота стекала вдоль позвоночника. У него был жар, и ему казалось, будто он плавает по кругу в каком-то студенистом болоте. Кто-то с ним разговаривал. А он отвечал, лежа на своей походной кровати.

– С кем ты разговариваешь? – спросила жена.

– С англичанином, который нарядился тигром и появился в лагере полковника Аурелиано Буэндиа, – ответил полковник. Он повернулся на другой бок, весь пылая от лихорадки. – Это был герцог Мальборо.

Утром полковник чувствовал себя совсем разбитым. Когда колокола ударили к мессе во второй раз, он выпрыгнул из гамака и оказался в мутном предрассветном мире, потревоженном пением петуха. Голова все еще кружилась. Тошнило. Он вышел во двор и сквозь тихие шорохи и смутные запахи зимы направился к уборной. Внутри деревянной, под цинковой крышей будки пахло аммиаком. Когда полковник откинул крышку, из ямы тучей взлетели трехугольные мухи.

Тревога оказалась ложной. Сидя на неструганных досках, полковник испытывал досаду. Позыв сменился глухой болью в кишках.

– Никакого сомнения, – прошептал он. – В октябре со мной всегда так. – И застыл в позе доверчивого ожидания, пока не угомонились грибы, растущие у него в животе. Затем опять пошел к дому за петухом.

– Ночью ты бредил в лихорадке, – сказала жена.

Она уже начала уборку, отойдя немного после недельного приступа болезни. Полковник попытался вспомнить.

– Это не лихорадка, – солгал он. – Мне снова снилась паутина.

Как всегда после приступа, жена была в возбужденном состоянии. За утро она уже успела перевернуть все в доме вверх дном. Переставила все вещи, за исключением часов и картины с нимфой. Жена полковника была такой маленькой и бесплотной, что когда сновала по дому в мягких матерчатых шлепанцах и глухом черном платье, то казалось, будто она проникает сквозь стены. Но к двенадцати часам женщина обретала свою материальность, свой вес. Когда она лежала в кровати, ее словно бы не существовало. Теперь же, двигаясь между горшками с папоротниками и бегониями, она наполняла своим присутствием весь дом.

– Если бы уже прошел год со дня смерти Агустина, я бы запела, – сказала она, помешивая в кастрюле, где, нарезанные кусочками, варились разнообразные плоды этой тропической земли.

– Если тебе хочется петь – пой, – сказал полковник. – Это полезно для желчного пузыря.

Врач пришёл после обеда. Полковник с женой пили кофе на кухне, когда он рывком отворил входную дверь и крикнул:

– Ну как больные, еще не умерли?

Полковник поднялся ему навстречу.

– Увы, доктор, – сказал он. – Я всегда говорил, что ваши часы спешат.

Женщина пошла в комнату подготовиться к осмотру, врач и полковник остались в зале. Несмотря на жару, полотняный костюм врача был безукоризненно свеж. Когда женщина дала знать, что готова, врач встал и протянул полковнику конверт с какими-то листками.

– Здесь то, о чем не пишут вчерашние газеты.

Полковник так и думал. Это была нелегальная сводка последних событий, напечатанная на мимеографе. Сообщения о вооруженном сопротивлении во внутренних районах страны. Полковник был потрясен. Десять лет чтения запрещенной литературы так и не научили его тому, что самые поразительные новости всегда впереди. Когда врач вернулся в зал, он уже кончил читать.

– Моя пациентка здоровее меня, – сказал врач. – С такой астмой я бы прожил еще сто лет.

Полковник мрачно посмотрел на него. Не говоря ни слова, протянул конверт. Но врач не взял.

– Передайте другим, – сказал он тихо.

Полковник положил конверт в карман.

– В один прекрасный день я умру, доктор, и прихвачу вас с собой в ад, – сказала больная, выходя к ним.

В ответ врач лишь молча блеснул своими ослепительными зубами. Потом размашисто пододвинул стул к столу и извлек из чемоданчика несколько рекламных образцов новых лекарств. Женщина, не останавливаясь, прошла в кухню.

– Подождите, я подогрею кофе.

– Нет, спасибо, – сказал врач, он выписывал рецепт. – Я не предоставлю вам ни малейшей возможности отравить меня.

Женщина в кухне засмеялась. Окончив писать, врач прочитал рецепт вслух, так как знал, что никто не сможет разобрать его почерк. Полковник изо всех сил старался сосредоточиться.

Женщина, уже вернувшаяся из кухни, отметила про себя, что минувшая ночь не прошла бесследно для ее мужа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.